

За кулисами урока

Ольга Оконеvская,
учитель-методист
Харьковской средней специализированной
музыкальной школы-интерната,
отличник образования,
Лауреат премии «Народное признание»,
«Харьковчанин года 2006»

*Моим ученикам
за 60 лет работы в школе посвящаю*

А на том берегу

Окончание 9-го класса. Едем в Белоруссию. До этого прочитали «А зори здесь тихие» Бориса Васильева и другие его повести. А «В списках не значился» я держала в запасе.

Мы в Минске. Оттуда нас везут в Брест. Утром объявляют: ночевать будем в одной из местных школ. Выясняю, что на матах в спортзале. Я прошу разрешения не ехать в школу, а выдать нам сухой паек. «А почему это вы выделяетесь?» — спросила экскурсовод.

А я просто представила, как будут дети прыгать на матах, бросаться подушками, вечером рассказывать анекдоты, и все, к чему мы целый год готовились и ради чего приехали сюда, пропадет, растворится.

Всю ночь с 21 на 22 июня при свете фонариков на развалинах Брестской крепости мы читали «В списках не значился». На рассвете вышли к реке. Вдруг Геночка Костромитин (царство ему небесное) спросил:

— Ольга Максимовна, а почему у солдата на том берегу такой странный головной убор?

— Гена, он не странный, это конфедератка — обычный головной убор солдата польской армии.

— А как это?

— Как в книге и в жизни.

— Так, значит, это все? — спросил, не то уточнил он и стал насыпать землю в карманы (полиэтиленовых кульков тогда не было). Ладонка покраснела, и Гена заметил, что это не земля, а мелко перемолотые осколки.

Когда меня на конференциях или методобъединениях спрашивают, как я проведу патриотическое воспитание, я говорю, что никого в этом духе не воспитываю, лекций не читаю, а езжу по местам, щедро политым кровью павших, а тех, кто выжил, приглашаю к нам в школу. Иногда они очень стесняются, говорят сбивчиво, отрывисто, не изысканно красиво. Я объясняю, что могла бы рассказать ярче, но зачем, ведь я не прошла этот страшный военный путь и говорила бы с чужих слов. А вы потом будете вспоминать со своими детьми и внуками, что встречались с живыми участниками войны. Вашим детям их уже не увидеть.

Михайловское

После восьмого класса мы с ребятами обычно ездили в Ленинград, а оттуда — в Михайловское. Теперь туда идет рейсовый автобус «Санкт-Петербург — Пушкино». А тогда нужно было ехать до Пскова

и уже оттуда в Михайловское. Но нам это не грозило, т.к. мы заказали экскурсию прямо от порога. Замечательный экскурсовод (а других там не бывает) всю дорогу рассказывала о Пушкине, Пущине, о ссылке. Ночевали в палатках, не спали до полуночи, провели свой вечер пушкинской поэзии: маленький костерок и выученные еще в Харькове стихи поэта и о нем. Утром встречали рассвет на берегу Сороти, боясь замутить ее чистоту даже умыванием. Экскурсии по Михайловскому, Тригорскому, Петровскому, скромные цветы на могилу поэта — васильки, но от каждого. Поблагодарили главного хранителя и директора заповедника Семена Степановича Гейченко.

Вернувшись после войны, на которой потерял руку, он приехал сюда вместе с красавицей женой восстанавливать разрушенный заповедник, где фашисты посмели заминировать даже могилу Пушкина. Переписка с Гейченко продолжалась до его смерти.

А в этот день после его добрых напутствий мы возвращались в Ленинград. Еще до отъезда из города я попросила ребят не брать с собой карты. Закончила свою вахту экскурсовод и в автобусе стало тихо надолго. Я поняла, что ребята тайком играют в карты, и побоялась даже вернуться к ним — уж очень больно было. Когда приехали в Ленинград, я сказала им о своих подозрениях. Они очень обиделись: «Ольга Максимовна! Но Вы же просили...». Оказалось, что каждый из них в меру своих возможностей писал стихи: на дышащей поэзией пушкинской земле, да еще после такой экскурсии.

А в Харькове, через несколько дней после возвращения, я получила по почте конверт с листочком из школьной тетрадки:

Мы снова дома, как я рада!
Теперь уж будет нам теплей
Но мне дожди из Ленинграда
С туманной прелестью своей
Все ночью снились, а под утро
Когда порядком рассвело,
По крышам дождь стучал,

Как будто разлуки не было
Пришло былое то очарованье
Явился Ленинград опять,
Затем, чтоб снова рассказать
Под капель шум свое преданье.

Эти стихи написала Наташа Добровольская, теперь преподаватель музыкальных дисциплин, мать четверых уже взрослых детей, жизнь которых тоже связана с искусством.

Толстовское чаепитие

Уже прочитали «Войну и мир» и поклонились Толстому в Ясной Поляне — прошли «зону тишины» и убедились, что на могиле писателя действительно нет ни креста, ни памятника, как было завещано.

Вернулись домой, и еще долго жили воспоминаниями об этой поездке. Девятиклассники обратились ко мне с просьбой провести что-то типа огонька или «Что? Где? Когда?» по творчеству Толстого. Смотрят преданными глазами и ждут утвердительного ответа. Мне остается только спросить: «С чаепитием или без?». Ответ, конечно, предскажем.

Распределились по командам. У каждой должен быть девиз, название, эмблема. А еще конкурс приглашений, букетов, тортов. Оговариваем: никаких дорогих цветов (середина зимы) и дорогих сладостей. Каждая команда готовит вопросы для соперников.

И вот настал долгожданный день. Девочки в длинных платьях, мальчики — в костюмах. Звучит музыка XIX века, горят свечи. Начинается конкурс приглашений. Побеждает следующее: «Mon cher! В часы короткого перемирия приглашаем на дружеское чаепитие на Шевардинском рудуте. И пусть дрожат французы!».

В конкурсе эмблем побеждает команда «Элен». На белом овале — черный профиль. Объясняют: Элен любит смотреться в зеркало, а еще — где Наташа, там свет, а где Элен — тьма. Вот мы и нарисовали ее портрет черной тенью. И еще одна эмблема — остроугольная звезда с надписью

на лучиках: «Юность моя! Ты гори, не сторай».

В конкурсе цветов было два победителя. Команда «Юность» заранее поставила в воду тонкие веточки и дождалась распустившихся зеленых листочков. Команда «Элен» предъясняет и описывает роскошную палевую розу. Но ведь я предупреждала: никакой дороговизны. Мальчик, рассказывающий высоким слогом об этом прекрасном цветке, вдруг постучал розой по столу и добавил: «Но, как и все в Элен, она искусственная».

В конкурсе тортов победил «Кутузов» — круглый пирог с черной полосой.

А после чаепития — конкурсы на лучшего чтеца отрывка из романа и викторина с каверзными вопросами. Оказалось, что ни одного неотвеченного не было.

Жаль, что теперь в школе нет не только «Войны и мира», но даже имени Толстого. Идем в Европу, забывая, что там это один из самых читаемых авторов.

Прогул без оценки

В школу пришли стоматологи. Определили, кто из детей нуждается в их помощи. В середине урока Вита и Юля тоже отпросились ставить пломбу. Я, конечно, отпустила. На следующий день классный руководитель рассказал, что видел их в учебное время выходящими из кинотеатра рядом со школой.

Захожу в класс. Проверяем домашнее задание. Выполнено. Значит, не воспользовались отсутствием на уроке — узнали. Конечно, многое осталось непонятным, и на вопросы ответить не смогли. В конце урока прошу дать дневники для выставления оценок. Они тоже несут. «А разве я их вам объявляла? — «Нет, но мы и сами знаем, что «2». — «Нет, девочки, я за предательство дружбы оценки не ставлю».

Прошли годы. Встречаю Виту, и она спрашивает: «Ольга Максимовна! Вы за предательство дружбы до сих пор «двойки» не ставите? А жаль, нам тогда бы легче стало».

Коля

Пятиклассник Коля — мальчик-стебелек. Не всегда собранный очкарик, постоянно забывающий в интернате то ручку, то тетрадь, то учебник. Однажды пришел на уроки в спортивных трусах: «А я думал, что это шорты». Флегматичный, «млявый», как говорят у нас в Украине. Но это до тех пор, пока не позовет его «к священной жертве» рояль. Тогда он маэстро уже в десятилетнем возрасте. В свободную минуту что-то старался прочитать из-под парты. Очень много знал. Знакомились с творчеством Пушкина. С удовольствием принимал участие в уроках по «Песне о вещем Олеге» и «Дубровскому».

Подходит конец четверти. Я напомнила, что он еще не отвечал стихи. «Да, я знаю». Последний урок, и Коля сообщает, что ничего не выучил на память. Посочувствуйте мне: в журнале две колоночки оценок за стихи — у Коли они до сих пор пустые, а оценки нужно выставлять сегодня. Говорю, что больше времени нет, и я вынуждена заполнить их «двойками». Тогда в четверти получается «тройка». Я в тупике, очень жаль, но другого выхода не вижу. Нужно ведь быть справедливой. Справедливой! Что тут началось! Все, слава Богу, встали на защиту Коли: «Но Вы же понимаете, что он больше всех читает и знает. Какая же тут «тройка»? Я «сдалась» и выставила в четверти «четыре». После урока Коля подошел ко мне «Ты на меня обиделся?» — «Никогда я на Вас не обижусь!». И, как-то неловко прижавшись, добавил: «Я просто очень люблю учить стихи».

Весной ему предстояла поездка в тогда еще Ленинград на музыкальный конкурс «Вундеркинды XXI века». Он жадно читал книги о городе, бесконечно расспрашивал о его истории, архитектуре, искусстве.

Оказалось, что мы ехали одним поездом, и я обещала мальчику, что похожу с ним по городу. Он жил в школе-интернате, где проводился конкурс, а я у своих друзей. Первый день конкурса. Первое

Колино выступление. Шквал аплодисментов. После второго произведения зал встает, после третьего, просит его педагога по специальности С.И. Захарову провести мастер-класс. Вечером Коля звонит мне и говорит, что завтра наша экскурсия по городу отменяется, так как он прошел на второй тур. На следующий день — на третий. А потом — гала-концерт в Капелле — и домой. Знакомство с городом не состоялось. Я подарила ему альбом с видами Ленинграда и, пока он играл, подписала:

Баха вечные созвучья,
Белизна и чернота.
Маленькие Коли ручки —
Чувств и мыслей полнота.
Зорко сердце, чутки уши,
И гармоний благодать —
Так настраивают душу
В детстве, чтоб не опоздать.

Мы возвращались в плацкартном вагоне. Освоившись, Коля сразу же открыл альбом и с интересом рассматривал фотографии: «Это Зимний, архитектор Растрелли, а это Адмиралтейство — Захаров». И так — о каждом здании, разводных мостах, парках, музеях.

Подошли пассажиры из соседних «купе»: «Мальчик, тебе повезло жить в Ленинграде» — «Да нет, я из Харькова» — «Ты побывал на многих экскурсиях?» — «Нет, не получилось. На одной: троллейбусом от Капеллы до вокзала» — «А откуда ты так хорошо знаешь город?» — «Я просто его очень люблю».

Нас провожала моя приятельница, создатель блокадных залов Музея истории Ленинграда Августа Михайловна Сараява-Бондарь. К тому времени она перенесла несколько онкологических операций, о чем Коля, конечно, не знал. Она подарила ему свою автобиографическую книгу «Силуэты времени», где рассказывалось о встречах с интереснейшими людьми. Коля залпом прочитал эту далеко не детскую книгу и сказал на одном дыхании, без пауз: «Как было бы хорошо, чтобы такие

люди, как Августа Михайловна, никогда не умирали и жили вечно!».

Еще в школьные годы Коля уехал в Италию, там получил высшее музыкальное образование и сейчас работает по специальности.

Творческая семья

Маленькая худенькая девочка за первой партой — младшая из трех детей Гапеевых, обучавшихся в нашей специализированной музыкальной школе. Две сестрички-скрипачки, брат — духовик. Все толковые, смысленные, приученные к труду мамой-архитектором. Елена Афанасьевна проектировала Дворец спорта, станцию метро «Площадь Восстания». За проект станции «Пушкинская» вместе с коллегой получила первую премию. И это при трех детях, которых воспитывала одна.

Дом всегда был напоен музыкой. Танечка ещё в четвертом классе участвовала в конкурсе «Вундеркинды XXI века». Ей, как и Коле Богданову, я подарила альбом с видами Ленинграда и надписью:

Звуки скрипки. Струны детства.
Никуда от них не деться.
Лишь коснешься их смычком,
Сразу думаешь о том,
Как огромен и прекрасен
Мир, в котором мы живем.

В шестом классе Таня стала лауреатом конкурса Божодара Которовича, в девятом — победителем олимпиады по немецкому языку.

Окончив школу с медалью, девочка оказалась перед выбором будущей профессии, а пока — вуза.

Тогдашний мэр города Евгений Кушнарев собрал медалистов, чтобы выдать им направление для дальнейшего бесплатного образования. Таня назвала консерваторию (институт искусств имени Котляревского) и университет имени Каразина — немецкое отделение факультета иностранных языков — заочно.

Обучаясь на первом курсе, она заняла призовое место на всеукраинском конкурсе имени Петра Яцека и подготовила выставку необычных писанок в Художественном музее. Там же состоялась и персональная выставка ее фоторабот.

Учебный год в обоих вузах окончила на «отлично». Я поздравила и пожелала заслуженного летнего отдыха.

А в ответ услышала:

— Я сейчас буду готовиться к вступительным экзаменам в юридическую академию.

— Зачем она тебе?

— Хочу в случае необходимости защищать свои права и права моих друзей и знакомых. Буду учиться на вечернем отделении вместе с братом.

Леня успел к тому времени окончить консерваторию. Сейчас, когда в армии, где он служит военным музыкантом, ограничили количество духовиков, играющих на деревянных инструментах, вторая профессия (юрист-консультант) помогает ему содержать семью с двумя маленькими дочками. Старшая обучается игре на блок-флейте.

Кроме того, Леня со студенческих лет член Союза журналистов Украины. Сейчас он ведет журналистские и литературные кружки.

Успев на «отлично» окончить оба вуза и не доучившись в третьем, Таня выиграла грант на стажировку в Высшей школе музыки в Германии. Там она совершенствовала скрипичное мастерство, а затем выиграла конкурс на место второго концертмейстера Нюрнбергского симфонического оркестра.

Недавно я слушала в прямой трансляции через интернет незабываемый концерт из Нюрнберга. Артисты филармонии играли на природе для шестидесятитысячной публики. Это самая большая в Европе аудитория с ежегодными концертами под рубрикой «Классика на открытом воздухе». В тот день концертмейстером была Таня.

А ее старшую сестру Иру пригласили учиться в Нюрнбергскую консерваторию.

Со студенческих лет она работает в Баварском камерном оркестре, с которым концертирует и сегодня. А еще пишет стихи на немецком языке и увлекается переводами. У нее, как и у мамы, трое детей: две дочки и сын. Старшая, Норочка, учится в музыкальной гимназии. Никлас тоже играет на фортепиано и поет в хоре. Пятилетняя Нелечка тоже хорошо поет, но инструмента еще не выбрала.

Творческая жизнь семьи продолжается.

Дети говорят на русском и немецком языках, ведь «Родины разны, но небо единое. Небом единым жив человек» (А. Вознесенский). Таким высоким небом для семьи Гапеевых (и в Украине, и в Германии) всегда было и есть творчество.

Первые цветы

Покотилловская школа. Март 1968 года. Весенние каникулы. Едем в Москву с десятиклассниками. Заказываем экскурсию на раннее утро, чтобы успеть еще в Третьяковскую галерею и в театр. А вообще подъезжаем прямо к школе №210, где нас приютили.

Затихают оживленные разговоры в автобусе, начинается рассказ экскурсовод. Подъезжаем к музею Космонавтики. На ступеньке плачет старушка:

— Что случилось? Мы можем чем-нибудь помочь? — спрашивают ребята.

— А чем помочь? Юра погиб, разбился.

— Ваш сын? Внук?

— Юрочка Гагарин.

Интересуемся у экскурсовода, правда ли это. Она тоже не знает. Тогда решаем поехать на Аллею космонавтов. Там у подножья памятников ушедшим всегда цветы. В автобусе мертвая тишина. Ну хоть бы кто-нибудь чихнул или кашлянул. Просто в ушах звенит. Все в неведении, в ожидании, в надежде.

Подъезжаем. Никто не осмеливается выйти первым. Наконец, выходит экскурсовод, за ним самые смелые мальчишки. Несколько шагов — и перед нами скромные скорбные подснежники — не цветы, не

букет, а просто знак беды. Снег ложится на обнаженные головы мальчиков. Прошу надеть шапки — ни за что. И вдруг Валик Рождественский переворачивает шапку и начинает идти по кругу. Ребята выворачивают карманы и, не глядя и не считая, кладут в нее содержимое. Валик куда-то исчезает и возвращается с охапкой тюльпанов. Это были первые цветы к подножию памятника первому в истории реальному, а не мифическому Икару.

А через несколько дней, в 100-летие со дня рождения Горького, в громкоговорителях звучит: «Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету. Безумству храбрых поем мы славу».

Дедушкин класс

Наш дедушка, Клементий Иванович Оконеvский, был известным в Харькове преподавателем русского языка и литературы, автором пособий для учителей и одним из организаторов I-го Всеукраинского слета пионеров. В школе вел драматический кружок.

Последний свой класс он выпустил в ночь с 21 на 22 июня 1941 года. Один из его учеников вспоминал потом, как на рассвете вернувшись домой, поставил раскладушку под цветущим деревом и лег спать, положив под подушку аттестат. Проснулся: что-то капало на лицо. Одна-две-три капли... Подумалось: летний теплый дождик. Слизнул — соленый. Отрыл глаза — а это мама сидит над ним и плачет. — Мама! Да что Вы расстроились? Я же завтра понесу документы в институт, — и достал аттестат.

— Сынок! Война!

Каждого из своих мальчишек дедушка проводил в солдатскую теплушку и, крепко обняв, расцеловал.

Немногие из них вернулись.

После войны уцелевшие ребята побывали на могилах своих бывших одноклассников и пришли навестить «деда». Мы молча показали его последний документ,

в котором написано: «Причина смерти — голод. Харьков, 24 июня 1942 года». Нам с сестрой было тогда по два года и одному месяцу, но мне казалось, что я помню дедушку.

Спустя многие годы я описала маме дедушкин портрет. Мама сказала, что так можно описать любого пожилого мужчину. Но я добавила, что помню сундук, на котором он спал, но не могу вписать его в интерьер комнаты, где мы все вшестером ютились в годы оккупации.

Мамины глаза повлажнели: оказалось, что семья после страшной утраты не смогла остаться на прежнем месте и перешла жить в квартиру напротив. Этого мы не помнили и поэтому не знали.

Дедушкины выпускники собрали деньги на памятник любимому учителю. Мы поклонились им и сказали, что на втором кладбище у нас стоит памятник всем Оконеvским, даже тем, кого нет в могилах, — умершим от тифа, расстрелянным в годы гражданской войны и в 1937. Простой стандартный памятник с нестандартной надписью: «Имя рода не умирает — в детях, внуках, правнуках живет».

Наша девятилетняя внучка, прочитав знакомую фамилию и незнакомые ей имена, спросила:

— Папа, ты тоже здесь будешь? А мама, а бабушка? — и, получив ответ: «Со временем — да», долго стояла молча, а потом как выдохнула:

— И я. Чтобы вместе.

Она мысленно объединила четыре поколения, чтоб «не распалась связь времен», хотя этой шекспировской фразы она еще знать не могла. Просто почувствовала.

А собранные деньги они вложили в памятник учителям и ученикам школы №12, погибшим в годы Отечественной войны. Присутствовавший на его открытии корреспондент журнала «Украина» сказала, что это единственный в нашей стране памятник жертвам войны, созданный при материальном участии учеников довоенных лет. Он стоит во дворе школы, которая не поменяла номера, но в эпоху

декоммунизации изменилось название улицы: вместо Юного ленинца она теперь Чугуевская.

Лучшим традициям школа не изменила. Там работают два музея, один из которых рассказывает об истории школы и ее «огненном выпуске». Там же — фотографии дедушки и его учеников. Каждый год, когда другие музеи боевой славы срочно закрывались и 9 мая уже практически не отмечали, в этой школе проводились линейки, уроки мужества и встречи с выпускниками довоенных лет.

Первый раз мы были там на открытии музея. Переполненный зал. Высокая атмосфера приподнятости, духовного родства. У меня в этот день были уроки, и мы с сестрой опоздали. Вошли как раз в тот момент, когда ведущая сказала: «Наверно, от семьи Клементия Ивановича никого не будет». И тут вошли мы: «Будут, будут, уже есть».

Все встали, усадили нас в первый ряд президиума. (Не сочтите за бахвальство, но ведь эти почести не нам, а учителю их отрочества и юности.) Мы подарили фотографии класса. На одной из них рукой дедушки написаны фамилии. Я зачитываю первую из них: «Гриша Белоконь» — и зал встает. Самый талантливый, он погиб на Дороге жизни, вывозя детей из блокадного Ленинграда. А дальше встает кто-то один или все. Дарю фотографию сцены из «Цыган». Поднимается совершенно седая обаятельная женщина с молодыми глазами: «Я Земфира, а Алеко погиб».

С тех пор этот класс стал нашим классом, с которым мы дружили более 30-ти лет. Бежит время, уносит жизни. Сегодня осталась одна Надежда Афанасьевна Бабич. Ей 95 лет. Она — хранитель памяти, историк довоенной школы, медсестра военного госпиталя.

Это она приходила к нам в середине июня 1942 года с первыми дарами огорода: «Клементия Ивановича я не сразу узнала. Скелет в халате. Он поклонился мне и сказал: «Спасибо! Мне это вряд ли поможет, а их (указал на двух опухших малышей),

может быть, еще спасет», — вспоминает Надежда Афанасьевна.

Мы выросли под портретом дедушки — молодого, красивого, любимого ученика болгарского профессора-филолога, преподававшего в университете. Мы выросли под портретом дедушки. Выбирать профессию мне не нужно было.

Мне завещаны похоронки его учеников. Я внесла их фамилии в «Книгу памяти Харьковщины». Теперь они снова вместе, под одной обложкой — ученики и их классный руководитель.

Вот уже 20 лет я езжу к ребятам из уникального детского образцового театра «Тимур» имени Василия Сидина на дачу (биостанция университета имени Каразина). Не любят они слова «лагерь» — дача «Ковчег», где за многие годы до введения инклюзивного образования мирно уживались здоровые и больные дети. В том числе — колясочники — любимцы «тимуровцев». И каждый год, во время костров памяти, я зачитываю им страницы этой многотомной толстой энциклопедии павших, в которой только фамилии. И плывут по кругу, из рук в руки, похоронки на дедушкиных учеников — зримая, осязаемая память.

Салют

Всю войну наша семья находилась в оккупированном Харькове, пережив с ним голод, холод, отсутствие воды, тепла, канализации. Мама каждый день ходила через весь город в Центральный тубдиспансер, чтобы под видом больных спасти раненых, а ночами переписывала истории болезни, выдавая раны за последствия плановых операций. Мама перенесла домой самые ценные книги по туберкулезу (она была фтизиатром) и рентгеновскую аппаратуру, закопав ее в сарае и засыпав углем.

Не понимаю, почему ленинградцы, не покинувшие родной город, получили гордый статус «житель блокадного Ленинграда», а патриоты Украины — позорное звание «оставанец».

Каждый вечер мама кипятила шприцы и на наши вопросы «кому?» отвечала: «Еще не знаю, но вдруг кому-то понадобится».

За помощью к ней днем и ночью шли люди с нашей и соседней улиц — мама никогда ни с кого не взяла ни копейки.

Дома старались соблюдать порядок и хоть какой-то режим. За водой она ходила на речку с двумя ведрами, а так как у городского жителя не могло быть в запасе коромысла, его заменила металлическая планочка для сетки от детской кровати. А чтоб не давило на плечо — сверху натянули резиновый шланг от противогАЗа. Даже в самые холодные дни всех заставляли встать с кроватей, вымыть руки перед едой и сесть к столу. В постели ничего не выдавалось. Став взрослой, я спросила, зачем такие церемонии. И мама ответила: «Чтобы было чувство семьи, лада и порядка». Это притом, что зачастую еда состояла из сухаря или двух-трех сладких конфеток с кипятком. Но зато — все вместе, за общим столом — до июня 1942 года — вшестером.

Я тяжело болела, и однажды мама везла меня к врачу на самодельных соседских саночках, которые мне казались роскошью. Вдруг на одной из центральных улиц я увидела мужчину, высоко поднятого над землей и с табличкой на груди, которую не умела прочитать. Мама закрыла мне глаза руками, но было уже поздно. Долго снился мне потом этот первый в моей жизни повешенный, и я просила зажечь коптилку, так как заснуть в темноте не могла.

В ночь на 9 мая нам с сестрой торжественно вручили наушники, чтобы мы первыми услышали известие о победе. Можно представить, как тете с мамой хотелось услышать это самим, но они дали это право самым младшим в семье, чтобы память сохранилась на дольше и передалась в будущее. Эти наушники я иногда приношу в школу — большие, неуклюжие, с витым шнуром. В них, кажется, застыл голос Левитана с самым радостным известием за всю историю войны.

А вечером был салют — первый в моей жизни и самый запомнившийся. Мы вышли на балкон и смотрели, как разноцветные вспышки прорезают небо. Вдруг я заметила, что по лицу мамы текут слезы. Никакой мимики, никаких всхлипываний — будто нажали кнопку — и слезы градом. Я подумала, что мама чего-то не поняла: «Мама! Мама! Это не обстрел, не бомбежка — это салют». А мама кивает, а слезы все текут и текут. Они были первыми за всю войну. Так мы узнали, что наша мама, оказывается, умеет плакать.

Позднее покаяние

Многие годы меня преследует мысль о содеянном. В школе-интернате был мальчик с большими ножками. Он ходил в ортезах — специальных тяжелых аппаратах с металлическими деталями.

Я дежурила по школе. Отбой. Обхожу спальни и слышу, как мальчишки дерутся подушками. Захожу. Прекращают. Выхожу — снова. А мне нужно торопиться, а то последний трамвай уйдет.

Не подумав, наказываю Вову: ставлю в угол. Через несколько минут соображаю и говорю строгим голосом: «Если больше не будешь — ложись». А он, гордый, прощения не просит и ничего не обещает. По лицу вижу, как ему трудно.

Прошло уже более полувека, а этот проступок все мучил меня. Потом стал сниться. Все чаще и чаще. Мне необходимо было покаяться перед мальчиком. Но где искать? И вдруг. Я стою на остановке на Пушкинской, по которой тогда ходили еще трамваи, и вижу Вову. Да, да, того самого, теперь с палочкой в руке. Я не могу ошибиться. Подхожу и спрашиваю, не учился ли он в такой-то школе. Учился. Я приношу ему запоздавшие извинения. А он в ответ: «Ну что Вы, Ольга Максимовна! Я запомнил Вас и тоже мечтал встретиться: вы первый человек, который наказал меня, как здорового, полноценного человека. Спасибо Вам!»

Он получил образование и работает художником в одном из клубов под Харьковом.

С тех пор Володя мне не снится.

Я просто вспоминаю его, желаю самого доброго и благодарю за прощение и доброту души.

Под цвет глаз

В Лесной школе был такой потешный мальчик Витя. Личико — точно розовый колобок, на верхушке которого — пшеничный чубчик.

Навещали его очень редко, так как жил он в дальнем пригороде, откуда трудно было добираться. Однажды вышел он в сандалях, и я заметила дырки на пятках.

— Витя, я завтра буду в магазине. Какие носочки тебе купить?

— Не треба, батько приїдуть і куплять.

— Пока это будет — а я тебе уже завтра привезу. Так какие? Какого цвета? Гладкие?

— Ну да, чтоб не кусались.

— Витя, так гладкие или с узором?

— Тогда у полосочку.

— Какую?

— У зеленую, — замялся Витя, — под цвет глаз.

Аплодисменты

Витя (ему было 10 лет) ходил, держась за стены: перемежающаяся хромота. Мой класс дежурил по школе — рьяно составлял список нарушителей для объявления на итоговой линейке.

И вдруг звучит Витина фамилия: «Бежал по лестнице». Витя бежал? «Сделай шаг вперед. Ты действительно бежал?» — «Я попробовал!»

Я представила, каким трудом далась ему эта проба. «Дети! Давайте похлопаем Вите. Он сегодня первый раз в жизни бежал по лестнице! Витя, запомни этот день!»

Долго звучали в коридоре аплодисменты.

От редакции: Оконеvская Ольга Максимовна — учитель русского языка и литературы с 60-летним стажем. Родилась в Харькове, в этом учебном году отметит свой 80-летний юбилей. Училась в университете имени М. Горького (теперь — имени В.Н. Каразина) на русском отделении филологического факультета.

В студенческие годы Ольга Максимовна прочла книгу Ольги Берггольц «Дневные звёзды» и навсегда попала в плен её творчества. Определила тему дипломной работы: «Поэзия блокадного Ленинграда и творчество Ольги Берггольц». Это был повод поехать в Ленинград и познакомиться с поэтом. Завязалась крепкая дружба, длившаяся 12 лет. Об этой дружбе много писали. Так, в ленинградском журнале вышла статья «Две Ольги», а в харьковской газете — «Дни и ночи с Ольгой Берггольц». Много было пережито вместе. В память об этом общении О. М. Оконеvская опубликовала в альманахе «Белые ночи» свои воспоминания «Свет дневных звёзд». Написала и издала книгу «...И возвращусь опять» (СП-б. : Логос, 2005. 1-е изд. ; 2010 год — 2-е изд. К 100-летию юбилею О. Берггольц).

О. М. Оконеvская — соавтор четырехсерийного фильма о Блокадном Ленинграде и роли поэзии Ольги Берггольц в событиях тех лет. Она часто выступает с этой темой на литературных вечерах в «Чичибабин-Центре», в библиотеках.

Долгие годы Ольга Максимовна преподавала в средней общеобразовательной школе, а с 1972 года — в Харьковской средней специализированной музыкальной школе-интернате, где, как известно, учатся особо музыкально одарённые дети. Для юных музыкантов в этой школе тщательно и с большой любовью оформлен литературный кабинет. Первое, что видят школьники, едва переступив порог, — роспись во всю стену

на тему древнерусской письменности: Кирилл и Мефодий вручают азбуку кириллицы. Есть в кабинете афиши литературных вечеров. Есть свой «кинозал» — телевизор и диски (фрагменты фильмов на литературные сюжеты), DVD, а ранее — фильмоскоп и плёнки или слайды... Ярким видеорядом дополняется каждый урок. Кроме того, будучи классным руководителем, Ольга Максимовна регулярно проводит классные часы, приглашает на встречу с учениками поэтов, писателей и артистов. Она — автор «Сборника диктантов», о котором писали в «Учительской газете». Также в помощь занятиям Ольга Максимовна создала «Таблицы по русскому языку», в которых есть весь материал от 1-го до 11-го класса (4 издания). Всё вместе — уроки, встречи, внеклассное чтение и литературные мероприятия — действуют настолько интересно, что многие ученики находят в словесности своё призвание. Иногда в дополнение к консерватории (или без неё) выпускники музыкальной средней школы поступают в ВУЗы на филологический факультет! Вот несколько фамилий учеников Ольги Максимовны, избравших такой путь:

Виктория Осадчая (*получила звание «Учитель года»*), Галина Сидорова, Виктория Омельяненко, Семён Пищуха, Людмила Головач-Богач, Светлана Репринцева, Леонид Гапеев и Владимир Агафонов. Инна Бердакина заняла 1-е место в большом конкурсе русского языка и литературы в Америке. Среди выпускников есть два кандидата филологических наук — Галина Сидорова и Ольга Шумейко. Молодой композитор-дирижер Антон Лубченко, автор 109 музыкальных произведений, в том числе 9 симфоний, написал ораторию на стихи Ольги Берггольц.

Надо видеть, с какой теплотой приветствуют своего учителя приехавшие на встречу выпускники — и давние, и недавние. Для них уроки Ольги Максимовны не прошли даром, семена добра и благородства попали на благодатную почву.

Педагогическая работа Ольги Максимовны Оконеvской отмечена наградами: медалями «Ветеран труда СССР»; «За доблестный труд»; «Відмінник народної освіти» (значок). Но самые высокие и ценные для неё — сделанные учениками: «Орден доверия» (нарисованные на картонке солнце и птенчик), «Почетный знак пробуждения» — дан по решению детей с надписью: «*За редкий дар настоящего Учителя, за преданную любовь, за многолетнее бескорыстное служение миру детства*».